

K-56

ВАЛЕРИЙ КОВШОВ

СВЕТ
внезапный

ВАЛЕРИЙ КОВШОВ

**СВЕТ
внезапный**

СТИХИ

✓
15210 / 2

Кемеровское
книжное издательство
1983

ЦБС для взрослых
читателей
гор. Кемерово

ББК 84.3Р7

Р 2

К 56

Рецензент

член Союза писателей СССР

А. И. Плитченко

К $\frac{70402-30}{М 145(03)-83}$ 23-83-4702010200

© Кемеровское книжное издательство, 1983

ДУША ТВОРЧЕСТВА

Время просеивает строки, время проверяет строки «на всхожесть», и прошлое нашей поэзии, даже самое недавнее, высится сверкающими горными хребтами, катится мощными полноводными реками, шумит изобильными нивами, упирается в небеса стволами могучих лесов. Творчество настоящих поэтов определяет духовный ландшафт родины, то же, что в прошлом было несущественным, ненастоящим, хотя порою и показано величественным, отсюда, из теперешнего дня, нам почти и не видно. Но тем заметнее нам в текущей поэтической, стихотворной разноголосице обилие стихов, рожденных и рождающихся сегодня суетой — будь то суета мысли, выращенной поверхностным чтением газет и книг, будь то суета прекраснородного желания мгновенно изменить весь мир посредством едва зарифмованной первой строки, будь то суета эталонирования собственного, еще толком не осмысленного «я» как идеального, единственно достойного подражания феномена природы.

Весьма заметно — и не только в первых сборниках — обилие стихотворений, возникших из томления духа — неоткровенности, инерционного повторения неличностных истин, привычки думать чужими мыслями и говорить чужими словами, неумения проникнуть в суть современности, а то и простого желания покрасоваться своим умением писать стихи, вообще покрасоваться.

Много этого... Избежал ли Валерий Ковшов этого? Не везде, но очень отраднo то, что он с самого начала, с первых шагов в литературу избрал себе иной, настоящий путь — путь творчества, а не искажающего действительность натурального списывания, путь честного раздумья о душе человека, его месте в мире и предназначении, а не торную тропу повторения заученных плоских бесспорностей.

Наша родина — Сибирь идет в его стихи, поэт пытается преобразить ее, оживить слово о ней, именно к родине, к Сибири старается прикинуть Валерий Ковшов, а не к слою «культурфактов», густо облепленному современными ремесленниками и версификаторами.

Мне очень близка неуспокоенность молодого поэта, его духовная активность, его мысль — деятельная и заряженная движением. Он умеет видеть и рассказывать увиденное, он не утратил способности чувствовать, и лучшие его стихи вызывают со-чувствие, побуждают к со-творчеству. И особенно дорого в этом сборнике то, что мир в его подробностях не стал — и надеюсь уже не станет — для Валерия Ковшова только суммой разнообразных поводов для высказывания, но стал — и надеюсь останется — сутью и душой его творчества.

Я не склонен считать стихотворения Валерия Ковшова верхом совершенства и убеждать в этом читателей. Повторяю, автор в начале пути, однако работа его уже такого качества, что она необходима людям, необходима общей картине сибирской поэзии, и это чистое и родное слово будет услышано.

Александр Плитченко

* * *

Жизнь проста, как кипящая влага
в грузных чашах весенних полей,
как зовущая в небо ватага
разрезающих высь журавлей.

Нет на свете желаннее кары,
чем попасть под расстрел синевы,
где волнуются птичьи базары
в яркой зелени первой листвы.

Обретая терпенье и веру
рвущих дамбы стремительных вод,
я завидую легкому ветру,
уходящему в дальний поход.

Я бы кинулся вслед, оставляя
всех, с кем в жизни стоял заодно,
не лукавствуя и не виляя
между болью и радостью... но

вижу: галки вдали закружили
над землей, что бурлит в лемехах,
слышу: стонут железные жилы
в потемневших крестьянских руках.

* * *

Моя это жизнь — не чужая,
и значит, все памятно в ней.
Ушедшее провожая,
я прошлое вижу ясней.

Что ж, значит, и радость, и горе,
и то, чем полна голова,
сольются и выльются вскоре
в надежды, желанья, слова.

А если так будет — похоже,
все сходится с мыслью одной:
и нет, и не будет дороже
того, что случилось со мной.

* * *

В памяти давнего детства
зрелости вижу исход.
Дай же тобой наглядеться,
мой беззакатный восход...
Вижу, как роща за домом
сбросила зимний узор,
тихо, легко и знакомо
льются туманы с озер.
Видятся мутные стекла,
слышатся скрипы крыльца.
Над подоконником теплым
чудится пенье скворца.
Что возвратишь ты мне, детство,
что не вернешь никогда?..
Дай же тобой наглядеться,
память моя, навсегда!

* * *

Все кажется, будто вчера,
сбежав от учебников горьких,
кричали мы дружно «ура»
и приступом брали пригорки.

Все кажется: ливни идут
и травы растут в поднебесье,
где звонкие крылья поют
свои ястребиные песни.

С тяжелых березовых сот
свисают пахучие грозди...
И можно всю ночь напролет
смотреть на высокие звезды.

Я там свое детство встречал,
и верил, наверно, оттуда,
что боль и о прошлом печаль
придумали взрослые люди.

* * *

Я помню желтые овины,
я помню белые снега,
как тихо, сказочно и длинно
звенела в сумерках пурга.

О детство!
Различаю дали
твоих просторов...
Где вы, чьи,
те пустыри, где мы играли,
те буквари, что мы прочли?

Твою печаль, любовь и жалость
я вспоминаю чуть дыша.
Во мне живет, во мне осталась
твоя наивная душа.

И эту нежность к дорогому
не растерять и не забыть,
и не отдать ее другому,
и никогда не разлюбить.

* * *

Темна дорога. Улица темна.
Отяжелев от собственного веса,
оцепенело дышит тишина
в лицо деревни душной прелью леса.

Сопит в болоте сонная вода.
Шуршит в кустах невидимая птица.
И по траве скользнувшая звезда,
пугая мрак, на озеро садится.

Здесь дождь пройдет... Обвиснут облака,
распавшись на пустые хлопья дыма.
Земля набухнет, как коровье вымя
перед рождением теплого телка.

И корни жизни двинутся во мгле
своим путем, что выверен веками,
и прорастет нежнейшими ростками
густая молодь, кланяясь земле.

ДОМА

Все здесь сердцу близкое,
все имеет вес —
и ограда низкая,
и высокий лес.

Вот он, за оградой,
мой родимый дом.
Вот она, нарядная,
роща над прудом.

Ну а там, над водами,
то ли сам лечу,
то ли птицы родины —
я не различу.

* * *

Прыгну во тьму, подоконник не чуя ладонью,
брызнет роса из травы и рассерженных веток,
злая калитка у ног завизжит и застонет —
ловкий пинок ей наградою будет за это.

Тихо. Никто не проснулся... А что еще надо!
Только бы тень отшатнулась от ближнего дома
и появилось, сливаясь с высокой оградой,
белое платье, что так хорошо мне знакомо.

Что-то во мраке заметить, почувствовать
мне бы...

Но ничего я не вижу в объятиях лета —
даже не вижу, как ночь, растревожив полнеба,
мутит восток, чтобы выловить каплю рассвета,

* * *

К обеду выпал первый снег...
К прозрачным окнам дня и дома
пришел от солнца чистый свет,
веселый, яркий и огромный.

О смейся, солнечная вьсь,
повесели сегодня осень
за вызревший капустный лист,
за крепкие ее колосья.

Так, значит, славным пирогом
меня попотчует хозяйка
и обо мне, не о другом,
тепло подумает утайкой.

Я буду взгляд ее ловить,
к скамье смущенно прирастая.
Она же будет говорить,
что снег, быть может, и растает...

БЫЛЬ

Мужики взмахнули топорами...
Пыльный смерч пронесся над полями.
Стаял снег быстрее, чем в прошлый век.
Берега повысились у рек.

Мужики ударили в стамески...
Поредели стройные подлески.
Удивленной птицы вымер голос.
От безводья выродился колос.

С тишиной, похожей на руины,
хороши ль российские равнины?

ЖЕЛАНИЯ

Чашу неба да ветра глоток,
да раздолья во славу здоровью —
вот и все!..

За сумятицу строк
я платил не прохладною кровью.

Я хочу, расставляя силки
на бездумных желаний границы,
чтобы ум источал родники,
в сердце пели небесные птицы.

Я хочу позабыть все слова,
где ютились красот междометья,
где была, как пустая молва,
кровь ума на лице незаметна.

ВРЕМЯ

Тянется к солнечным пятнам,
молнию держит в руках,
кается перед распятым
в самых тяжелых грехах.

Роскошью тешится сладкой,
голодом режет живот,
невыносимой загадкой
в черное небо зовет.

В душных труппах ночует,
прошлое ищет в золе,
сталью природу линчует,
гибель пророча Земле.

Шепчет губами младенца,
ветхой старухой молчит,
ночью по праву владельца
в двери прикладом стучит.

Учит стрелять, чтобы драться,
тесно сжимая ряды,
за неделимое братство
в мире опасной вражды.

* * *

Есть вечные думы о звездах над темной
равниной.
Есть смутные вести о канувших в мрак
временах,
где пращур, наверное, чувствовал кожей
звериной
грядущих людей первобытный младенческий страх.

Зачем этот мир, истекающий кровью людскою?
Зачем человек, истребляющий плод своих рук?
С надеждой какой книгу жизни я завтра
раскрою,
увидев страницы своих же смятений и мук?

Не в силах ответить...
И все же не трогает зависть
к глухому рассудку, чья вера смирилась уже
с той радостной мыслью, что годы смятений
достались
совсем не ему, а какой-то мятежной душе.

* * *

Зачем я жду рассвет далекий?
Зачем я жду начала дня?
Как моя юность, тенью легкой
уходит слово от меня.

Смотрю я в память зло и тупо,
я не узнаю никогда,
зачем так весело и глупо
тянулись юности года.

О, лучше б, молодость расторгнув
с движеньем лет, что копят страх,
взлететь! разбиться!.. но с восторгом
на холодеющих губах.

* * *

Душа и рассудок равны
мучительным чувством тревоги,
дрожанием тонкой струны,
которую страшно потрогать.

Попробуй-ка тут не сорвись,
когда поджидают возмездьем
то разума скользкая высь,
то чувства опасная бездна.

РЫТЬЕ КОЛОДЦА

С чистым небом над черной спиной,
поклоняясь грядущему дну,
я копаю колодец... со мною
столб пространства идет в глубину.

Глубже свет — выше холм в отдаленье,
где тускнеет надежды руда,
где внезапно сверкнет утоленья
человеческой жажды труда.

* * *

Белым мальчишкой бродил я по черному полю,
юношей черным разглядывал волны пустыни.
Хлебом земля одаряла, железом и солью,
мягкой травой исцеляла усталого сына.

Небо, сжигая рассудок неведомым зельем,
слух замыкало навстречу победному кличу —
разума немочь таилась в припадках веселья
братьев моих, у костра пожиравших добычу.

Кожу менял я, глаза и призывы гортани,
дом оставлял, где подкову вбивал над порогом,
парусом легким приветствовал ветры и страны,
силу копил и высокие мысли пророка.

Время бежало, скрывая и пряча эпохи
в холоде бронзы, в скрижалях веков безымянных.
Кажется: вот соберу эти блески и крохи —
выйду к Вселенной с живым разговором
на равных.

Зреет и крепнет в желаниях воли решимость,
страх одолев в поединке с пределом познания,
вырвать пространство для вечнозеленой вершины
Дерева Жизни, проросшего в тьму мироздания.

ПТИЦА

Задрожало сильное крыло,
с высотой соперничать отважась,
и внезапно легкость обрело,
под себя подмяв земную тяжесть.

Значит, воля вольному...
Звени,
голос вечный, голос поднебесный,
улетевший в солнечный венит
жизнь благословлять высокой песней!

ВОПРОСЫ

Преодолеем ли испуг
пред безграничностью Вселенной?
Сверкнула мысль во мгле нетленной —
мы вышли в изначальный круг.

Другая жизнь — другой закон
соприкоснулся с нашим телом.
На что надеется тайком
наш ум за видимым пределом?

Какое время там течет?
Какое встретят измеренье
рассудка точность, и расчет,
и сердца вечное движение?

* * *

Весна. И мне семнадцать лет,
и жизнь как чаша круговая,
и утоления жизнью нет,
как будто есть еще другая,
которой тоже не напьюсь
и вновь пушу по кругу бойко.
Все это было... Ну и пусть!
Я отрезвел. Но не настолько,
чтоб вдруг забыть веселый стук
бездонной чаши над собою —
она моих коснется рук
и над прохладой вековой!

* * *

В невидимой безмолвной тесноте
сплетаются молекулы движенья
и гибнут на кострах самосожженья,
свой голос отдавая немоте.

Застывшее движение — мираж
несовершенства зрения и слуха,
пугливого смиренья верный страж
в глухих покоях сонного рассудка...

Пробиться бы недремлющим умом
к пределам свежей ясности и силы,
вибрируя тоскующим крылом
над скопищами радостей бескрылых!

* * *

Я знаю: завтра и потом
застонет сердце от тревоги
за этот мир, за этот дом,
к плетню прижатый у дороги.

Планета наша — не амвон
для проповедей вхолостую.
А потому: из сердца вон
слова, летящие впустую!

* * *

Тот миг, что все перевернет
и все в моей судьбе устроит,—
не угадаю наперед,
да и, наверное, не стоит:
судьба и жизнь во мне самом
вершатся вечною борьбою...
Не поздно волей и умом
помериться с самим собою.

* * *

Забудь меня, праздное тело!
Сквозь слезы и смуты души
хочу, чтобы память не пела,
хрипела о днях, что ушли.

Все в жизни рождается в хрипе
тревожно, неясно, грешно,
в гортанном младенческом крике
почувствовав истины дно.

Привычно читая молитвы
вещам, что украсили быт,
мы липким покоем облиты,
и ум наш отвагой забывает.

Опомнись, душа человечья,
сквозь слезы, сквозь смуты явись,
взмывая над телом беспечным
в свою неоглядную вьсь!

* * *

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах...*

Ф. ТЮТЧЕВ

Довольные, спокойные — они
не знают жизни в поисках мятежной,
и мысли их, и чувства их все те же,
как в до и... исторические дни.

Потомки вымирающих эпох,
наследники тепличных деградаций,
пока в одном сумели разобраться—
что этот мир уютен и неплох.

Как ненасытна легкой жизни власть!
Кого проглотит завтра... Неизвестно.
На торжище ума так много места:
лишь сил не пожалей — туда попасть.

Вот почему, сомненьями изрыв
свой бедный ум, и легкий и незрелый,
смотрю я вдаль до видимых пределов,
хватая сердцем дерзости порыв!

* * *

Внизу, в воде, качался лес.
На темном склоне пахло глиной.
Взлетал на воздух лунный блеск
какой-то рыбы исполинской.

К моим ногам, как будто звал,
шли, разговаривая, волны.
И я, прощаясь, понимал
язык реки немногословный...

И, может быть, придут ко мне
из глубины души впервые
слова, стоящие на дне,
как будто рыбы золотые.

* * *

Как сладко вдыхать из ладоней
соломы подтаявшей прель
и слушать, как ветер талдонит,
что скоро вернется апрель —
вернется с печалью дорожной...
Но все будет радости впрок,
а каждая ветка дороже
всех за зиму сложенных строк.

* * *

Чую тепло, слышу оклик на дереве птичий,
вижу: ручьи пробивают в сугробах тоннели,
заголубел влажным ветром умытый налечник,
и облака, повстречавшись с теплом, потемнели.

Крошится берег, и глыбы оттаявшей глины
падают замертво в мутную бездну потока.
Страшная сила ворочает бревна и льдины,
слабый кустарник калеча легко и жестоко.

Нет утоленья для жизни в движении малом,
если нельзя показать непокорную удаль...
Вот он, весны и свободы опаснейший слалом:
в водоворотах крушений обломки и груды.

Вот он, весны и желаний единственный выбор:
жизнь обновлять, очищая от праха и тлена,
воздух глотать, задыхаясь озерною рыбой,
глину месить и в земле утопать по колено.

* * *

Верь человеку всегда,
песню чужую не тронь!
Юному — в небе звезда.
Зрелому — в сердце огонь.

Всякий, кто шел налегке,
песню под сердцем хранит.
Вот почему вдалеке
песня шумит и шумит.

Может быть, это река
плачет негромкой струей.
Может быть, это века
ветром летят над землей.

* * *

Когда обида, боль и просто горечь
тяжелой мыслью бьют меня в висок,
я ухожу в распахнутую полночь,
где купол неба светел и высок...
Звенит трава,
колышится и дышит,
навстречу ей дрожит ночная тьма.
Здесь каждый шорох сердце мое слышит —
но я боюсь, что я сойду с ума:
не одолеть простора долгим взглядом,
не превозмочь, как собственную боль,
а оставаться только где-то рядом,
влача свою смиренную юдоль.

* * *

Жду обвала, как берег сыпучий,
ропот сердца теперь не сдержать.
Будет эхо метаться над кручей,
будет крепкий рассудок дрожать!
Вниз — по склону, к глубинам обрыва...
Там зовет непокорный поток,
разгрызая преграды бурливо,
убыстряя движения ток.
Я отдам ему силу, и волю,
и себя без остатка всего,
растворяясь последнею болью
в каждой капле движенья его.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

1

У тишины хмельная голова —
вино черемух льется в ночь бурливо.
Мой друг, забудем резкие слова,
с которых речь ты начал торопливо.
На перекрестках жизненных дорог
еще немало нам дано увидеть.
Так будем крепче мелочных тревог,
сильней и выше самой злой обиды.
Посмотрим в мир с небесной высоты:
Простор. Полет. Движенья без причала...
Не зря на поле выросли цветы,
не зря кукушка в сумерках кричала,
не зря закат свалился в поймы рек
и тишина легла на наши веки —
все для того, чтоб понял человек:
слились движенья мира в человеке!

2

Лишь оглянись — увидишь за собой
глаза июня с темными зрачками,
и дальше, дальше... воздух голубой

пьет тишина тяжелыми глотками.
Все дышит жаждой солнца и воды,
все ищет далее, воздухом богатых,
чтобы оставить яркие следы
на память дней, утопленных в закатах.
А я раздвину темные кусты.
А ты придешь к проселочной дороге.
И месяц вспашет черные пласты
нависших туч своим упрямым рогом.
А кто-то ляжет в душную кровать
и встретит полночь розовыми снами,
все перепутав, станет называть
свою жену чужими именами.
А мы уйдем в июнь, в его простор —
там бродит тайна юности и воли,
там подпеваает леса стройный хор
нестройным песням утреннего поля.
Любимая! Легка твоя рука,
а волосы темней осенней ночи.
И кружится вокруг тебя строка,
как будто бы обнять словами хочет...
Я вижу тот, забрызганный водой,
весь в тальнике и диких травах берег.
Мы наравне с вечернею звездой,
а рядом с нами поля тихий вереск.
А мир поет на тысячи ладов.
Но и душа не требует печали.
И не оставит призрачных следов
моя рука за теплыми плечами...

Вот почему для нас в кольце чудес
простая ночь, как чудо, все возможней.
Вот почему растет душа, как лес,
а тишина покоя все ничтожней.

3

Июнь гордец и очень знаменит,
в природе нет величественней славы:
в цветных венках, разбойный и кудрявый,
в руках росы серебряная нить.
В его глазах не дремлет тишина
спокойной веткой, птицей осторожной —
как первый гром взрывается она,
мир оглушая песней придорожной.
Да, я люблю июнь, и не таю
свою любовь, и радостно приемлю
его пути, и вслед ему пою,
и славлю сердцем родину и землю.
Здесь я рожден. Деревня — как судьба,
как сладкий вздох простора и свободы.
Здесь даже ставен четкая резьба
напоминает прожитые годы...
Я вспоминаю: где, когда и что
стояло здесь, цвело, не умирая,
соединяя прошлое с мечтой —
с преображенным днем родного края.
Вот там был лес.
В лесу росли цветы.

В сухом лого водились куропатки.
И грозный ястреб с гулкой высоты,
нацелив взгляд, пикировал в распадки.
Я думал раньше: лес, поднявшись в рост,
озолотит пшеницей жизни поле
и, перекинув к будущему мост,
напомнит нам о славной сельской воле.
Увы — не лес, а грязная трава
шоссейный путь украсила уныло.
Сообразила ж чья-то голова,
но свою мысль с природой не сроднила...
А чуть правей лежит тележный путь,
размеры леса выверивший строго.
Шоссе б чуть-чуть,
совсем чуть-чуть свернуть, —
и лес живым стоял бы вдоль дороги.
Зеленый, желтый, ветрено-пустой,
он дорог мне, любимец нашей боли,
простой надеждой, истиной простой —
как продолженье юности и воли.
В его ветвях листвы шумливый рой,
в его траве настой и крепость браги,
в его корнях весеннею порой
таится сила жизненной отваги.
Достойный друг распаханых полей!
Замрут они без дружеской защиты:
палящий зной и пыльный суховея
сильны пока и горько знамениты.
Он дорог мне за радость первых встреч

с природой, с тайной, с девушкой любимой.

Его живая песенная речь
не пропадет во тьме с осенним дымом.

4

Проснулся дым в затопленной печи,
по стеклам скачут желтые зайчата. —
Моей деревне день уже вручил
пакет июня с солнечной печатью.
Встряхнув от лени сонный палисад,
орет петух, куриный предводитель,
и стайку белых юрких поросят
спешит кормить угрюмый мой родитель.
Вот наш сосед, веселый говорун,
с отцом заводит речь о сенокосе.
А в небе, срезав облачный бурун,
на юг летят железные стрекозы.
А солнце выше... Жарким будет день.
Над чистотой березовых раздолий
не пронесется облачная тень,
пугая птиц с насиженных гнездовий.
Пришел июнь — окончилась пора
неторопливо-умного посева.
С последним кругом гложнут трактора
и копят мощь до высохшего сена.

Мы дышим тем, чем родина живет:
ее заботы в сердце оседают,

ее печали мучают и давят,
ее веселье к радости зовет.

Наградой лету пышно расцвела
сирень, скрывая окна и заборы.

День борозды!

Счастливый день села

с улыбкой, с песней, с шумным разговором.

...И вот завелся дед про старину:

перемежая праздники и будни,
косили хлеб, кормили всю страну
и отдыхали тоже как все люди.

Припомнит он войну и недород.

И оживут невиданные беды,

и обрстет легендами народ,
знававший горечь, славу и победы.

И вдруг поймешь, что этот первый шаг,
с которым мир рванулся к высшей цели,
ступили мы, подняв надежды стяг,
пусть тяжело, но прямо, как сумели.

Поймешь и то, что может быть, тебе
еще немало выпадет печали,
покуда в нашей жизни и судьбе
колокола тревог не замолчали...

5

Густой, тягучий, медленный закат
стекает с крыш, ползет к вершинам леса.
Крадется тень от темного навеса.
Азартно плещет щучий пережат.

Уже примерил новый пиджачок
веселый парень, глядя в темень сада.
Уже стучит веселый каблучок
там, где пристыла к сумеркам ограда.
У клуба говор, смех, и звон гитар,
и одинокий всхлипный плач гармони...
Вдыхай, вдыхай сиреневый нектар,
прижав к губам горячие ладони!
Вдыхай из тьмы любимый этот цвет
родных берез с короной голубою.
Пускай всегда витает над тобою
неистребимый звонкий их привет!
И вот он, вечер... зеленью повис,
и синевой обрушился на плечи.
Как в храме, звезд мерцающие свечи
зажгла во тьме таинственная высь.

Уснуло лето тихо на руке,
застыв в глазах малиновым закатом,
парящей мглой над лунным перекатом,
зеленой рыбой в стынувшей реке.
О, сказка лега!
Разве я не знал,
что ты живешь на родине извечно...
Вон белый конь звенит вдали уздечкой.
Вот звезд ночных сиреневый обвал.
Вот свет берез у темного пруда
и тишина над дремью тальниковой.

Вот из ладоней чистая вода
сжимает грудь прохладой родниковой.
Родник пробьется — воздух зазвенит.
Душа услышит — песня разольется,
и чувств моих невидимая нить
к чужой душе невольно прикоснется.

ИСТОКИ

Г. Юрову

1

Край родной!
От какой неприметной лощины,
от каких перелесков
приходит любовная дрожь?..
Гладит солнце на реках
твои волновые морщины,
и туман пеленает
остывшую в сумерках рожь.

Если никнет трава
и навстречу степному раздолью
поднимается марево
зноем пугающих дней,
шлют июльские грозы
надежду на лучшую долю,
разделив твоё лето
стеной животворных дождей.

Все равно на земле —
и октябрьский северный холод,
и апрельская слякоть
среди разомлевших снегов,
непокойная удаль,

когда беспечален и молод,
и спокойная зрелость,
с которой смириться готов.

Все равно на земле,
где, подвластные чувству любому,
утешенье и горе
одною судьбой сплетены,
где семейные были
витают над старым альбомом,
и предания жизни
в скупых разговорах слышны.

2

Я бродил по тайге
возле сосен, кивающих небу,
возле каменных глыб,
проступивших на склонах холмов.
Я склонялся на поле
к густому созревшему хлебу,
чтоб услышать дыханье
меня поджидающих слов.

Я не знаю свободы
без поля, идущего к лесу,
без прозрачной воды,
обманувшей заслон камыша,

без приречной тропинки,
ведущей к заветному месту,
где когда-то так нежно
любимая в сердце вошла.

В ее взгляде, похожем
на утренний свет побережий,
столько жаркого лета,
что за ночь не стынет земля,
утихают ручьи,
и в последнем движении свежем
задыхается ветер,
и молча стоят тополя.

Только память встряхнуть...
И опять зацветут занавески
на знакомом окне,
утонувшем в закатных лучах,
заскрипят половицы,
и волосы в розовом блеске
разбегутся волной
на целованных солнцем плечах.

Только память встряхнуть...
Упадут на дороги туманы,
и мальчишечей волей
взлетит над землей синева,
соберутся созвездья
и, радуя близью обманной,

разнесут по безмолвью
мятежного сердца слова.

Я готов обмануться,
поверив в живую ромашку,
я поверю, что можно
вести разговоры с цветком,
я ведь знаю, что можно,
не веря ни в небыль, ни в сказку,
пошептаться с природой
бессмертным ее языком.

3

Гнется месяц над полем —
навстречу трава бронзовеет.
Ветер свистнет сквозь листья,
смахнет паутину —
смелей!

Снежным вихрем черемухи
тьму перелеска развеет...
И несметные запахи
ринутся в небо с полей.

Все смешается в мире:
июня лесное дыханье —
земляничный заманчивый,
но отцветающий срок,
завзвевших покосов
июльское благоуханье

и прощание с летом —
горчащий рябиновый сок.

Все смешается в сердце,
и прошлое встанет так близко,
что с тоской полусонною
выпрыгнешь ночью в окно
и в саду остывающем,
вздрагнув от лунного блика,
наконец-то опомнишься:
все это было давно!..

Моя родина — детство,
ушедшее в теплую память,
в благодарное слово
всему, что любил и сберег —
удивленное детство,
стихов распознавшее пламя
среди первых невнятных
едва заискрившихся строк.

Моя родина — поле,
открытое солнечным утром,
деревенские ночи
с колодезной тьмою лесов,
беспредельное небо
с мерцанием странным и мудрым,
как глаза все узнавших
о жизни седых стариков.

На земле, где живем,
есть могучие быстрые реки,
есть речушка, где рядом
стоит мой родительский дом,
есть река, словно детство,
с которым я связан навеки —
голубая дорога
с певучим названием Томь.

Только выйдешь на берег —
ударит волна ветровая,
прикоснешься к воде —
холодком до костей проберет.
Безрассудных пловцов
круговертью смертельной карая,
завершает река
не последний в пути поворот.

Слева степь да стоянки
березовых рощ и околков,
слева вязнут овраги
в густой темноте тальника.
Справа пихты, и ели,
да редкого кедра осколки,
да вершины холмов,
облысевшие от сквозняка.

Справа мертвая тишь
с буреломами лежек звериных,
беспросветная тьма
с немигающим взглядом совы,
молчаливые камни
на теплых и мягких перинах
из пушистого вороха
старой истлевшей травы.

Слева старых селений
высокие прочные избы
с обязательной тропкой,
сбегающей прямо к воде...
Деревянные птицы
летят в кружевные карнизы
из ладоней искусников,
с детства искусных в труде.

Слева тянется к югу
тяжелая лента асфальта,
приближая к деревням
молву городских площадей,
приближая к заводам
ристаллища птичьего гвалта
и свободу пространства,
так нужную жизни людей.

В середине река —
чистокровная свежесть природы,

неизбывная тяжесть,
ушедшая в чрево глубин.
Ощущает рука,
прикоснувшись к стремительным водам,
пульс родной стороны,
убыстренный движением турбин.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Плитченко. Душа творчества	3
«Жизнь проста, как кипящая влага...»	5
«Моя это жизнь — не чужая...»	6
«В памяти давнего детства...»	7
«Все кажется, будто вчера...»	8
«Я помню желтые овины...»	9
«Темна дорога. Улица темна...»	10
Дома	11
«Прыгну во тьму, подоконник не чуя ладонью...»	12
«К обеду выпал первый снег...»	13
«Бессонное время утраты...»	14
«Воздух легкий, воздух вольный...»	15
Быль	16
Желания	17
Время	18
«Есть вечные думы о звездах над темной равниной...»	19
«Зачем я жду рассвет далекий?...»	20
«Душа и рассудок равны...»	21
Рытье колодца	22

«Белым мальчишкой бродил я по черному по- лю...»	23
Птица	24
Вопросы	25
«Весна. И мне семнадцать лет...»	26
«В невидимой безмолвной тесноте...»	27
«Я знаю: завтра и потом...»	28
«Тот миг, что все перевернет...»	29
«Забудь меня, праздно тело!»	30
«Довольные, спокойные — они...»	31
«Внизу, в воде, качался лес...»	32
«Как сладко дышать из ладоней...»	33
«Чую тепло, слышу оклик на дереве птичий...»	34
«Верь человеку всегда...»	35
«Когда обида, боль и просто горечь...»	36
«Жду обвала, как берег сыпучий...»	37
Первый день лета	38
Истоки	46

Ковшов В. В.

К 56 Свет внезапный: Стихи. (Предисловие А. Плитченко).— Кемерово: Кн. изд-во, 1983.—56 с.

15 к.

Читатель первого поэтического сборника В. Ковшова почувствует стремление автора осмыслить мир, время, движение человеческого духа; привлекательна в лирическом герое и неуспокоенность с известной долей романтичности.

К 70402—30 23—83—4702010200 ББК 84. ЗР7
М 145(03)—83 Р2

Валерий Васильевич Ковшов

СВЕТ ВНЕЗАПНЫЙ

Стихи

Редактор Т. И. Махалова. Художественный редактор В. П. Кравчук. Технический редактор Г. Н. Манохина. Художник В. Н. Климов. Корректор В. А. Лузина.

ИБ № 768

Сдано в набор 16.01.83. Подписано к печати 17.02.83. ОП03046. Формат 60×84^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,63. Усл. кр.-отт. 1,86. Уч.-изд. л. 1,46. Тираж 7 000 экз. Заказ 1022. Цена 15 коп. Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ногрadsкая, 5.

Автор этого сборника родился в 1948 году в деревне Красный Ключ Кемеровской области. Служил в Советской Армии, учился в Томском университете, окончил строительную школу и получил профессию электросварщика, работал на заводе и немного плотничал в сельском строительстве.

Первое стихотворение опубликовал в 1976 году в газете «Комсомолец Кузбасса». Публиковался в альманахе «Огни Кузбасса» и коллективном сборнике «Дыхание земли родимой» [1980 г.].